

— На следующий день - день рождения моего любимого дядюшки Вовы - я в обед вылетел в Ленинград, рассчитывая к вечеру оказаться в Сестрорецке. Расчёт мой оправдался, и я подгадал прямо к праздничному столу. Забавно, что в электричке с Финляндского вокзала я ехал в одном вагоне с дядей Витей - младшим братом тёти Тамары, но он меня не узнал, хотя мы сидели недалеко друг от друга: я у окна с одной стороны, а он - по диагонали с другой стороны вагона.

— Я поначалу пялился на него и улыбался, но он никак на меня не реагировал, так что я даже засомневался - не обознался ли? Но через час мы с ним встретились у дяди Вовы, и сомнения развеялись. Дядя Витя сказал, что заметил, как я на него таращусь, но ему и в голову не пришло, что это мог быть я, откуда я тут взялся? Не узнала меня и тётя Зоя - старшая сестра тёти Тамары. И тоже, говорит, потому что не ожидала здесь встретить. Была ещё и тётя Жанна - дяди Витина жена, и внучек с ними от дочки Любы, совсем недавно ещё девчонки. Да ведь и я уже дед!

— Все, конечно, постарели, но вполне узнаваемы. И юморят по-прежнему, несмотря на все свои болячки. Молодцы! Даже бутылку водки одолели коллективом.

— Иринка в этот день приехать в Сестрорецк не смогла из-за лабораторных занятий, но позвонила, и мы с ней поговорили по телефону.

22 октября 1986 г., гостиница ИЗМИРАН

— Я спросил, как дела у Димы. Иринка ответила:

— Отчислили его.

— Меня эта новость не поразила. Давно пора.

— Вот он здесь, рядом со мной. Могу ему трубочку дать.

— Ну, давай.

— Здравствуйте, Александр Андреевич!

— Здравствуй, Дима. Ну, как твои успехи, чем порадуешь?

— Да, знаете, по телефону трудно говорить. - Голос у него был, конечно, отнюдь не бравый, подавленный. - Мы не могли бы с Вами встретиться?

— Разумеется. Я собирался вас навестить, заглянуть в общежитие, посмотреть, как вы там живёте.

— А когда Вы сможете приехать?

— Ну, давай, завтра, часиков в семь вечера. Вы свободны в это время оба?

— Свободны.

— Значит, договорились. Я подъеду к общежитию к семи часам.

На следующий день с утра я поехал к Брюнелли. Там меня ждали. Я писал, что появлюсь у них числа 27-го; телефон им пока ещё не поставили. Они недавно лишь переехали в свою новую двухкомнатную кооперативную квартиру на проспекте Наставников, в район Ржевка-Пороховые, ещё и сейчас окраинном, хотя и бурно застраиваемом. Здесь неподалёку на проспекте Косыгина живёт теперь и дядя Серёжа Мороз.

Б.Е. и Людмила Михайловна выглядели неплохо, бодренько. Болячки у Б.Е. вроде бы отступили, но в полном порядке он пока себя ещё не чувствовал. Правда, уверял, что работоспособность у него сейчас в норме, в чём я и убедился в эти дни. Прожил я у Брюнелли неделю. Каждый день мы с Б.Е. работали до обеда вместе - читали его 1-ю главу. После обеда и получасового отдыха либо продолжали это занятие часов до девяти вечера, либо я отправлялся по гостям, а Б.Е. обдумывал мои замечания.

Удовольствие от этих совместных занятий я получил колоссальное. Вот уж наобсуждались и наспорились от души, как в былые времена со Славиком и Юрой. Причём не столько по геофизическим, ионосферным или магнитосферным вопросам, а по чисто плазменным и общезфизическим проблемам - происхождение дрейфа заряженных

частиц из-за наличия сил инерции в неоднородных полях, сущность плазменных волн и т.д., и т.п., уточняя каждый свои взгляды на эти вещи и стремясь как можно понятнее изложить их для читателя.

— Я придирался и к стилистике, останавливался буквально на каждой строчке, и Б.Е. переживал, что так мы далеко не продвинемся, увязнем в мелочах. Я успокаивал его:

— У нас целая неделя, Борис Евгеньевич, и всего одна глава, причём первая - одна из самых важных, если не самая. Так что и время пока есть, и смысл есть покопаться во всём, даже в мелочах.

— И мы, действительно, успели - полностью перелопатили 1-ю главу. Б.Е. обязался всю её начисто переработать в соответствии с тем, до чего мы договорились в ходе наших обсуждений и споров. Встречей и её результатами мы оба остались очень довольны и договорились встретиться вновь по поводу уже следующих глав - его 2-й и моей 3-й где-нибудь в начале лета, списавшись предварительно.

— **27 февраля** (в первый день нашей работы с Б.Е.) вечером я отправился к Иринке и Диме в общежитие на Мориса Тореза. Не рассчитав времени на дорогу (да и заспорились мы с Б.Е.) - а добираться пришлось больше часа, я опоздал к назначенному сроку минут на пятнадцать. Иринка всё это время околачивалась у автобусной остановки, встречая меня, как договорились.

— Наконец, я появился, и Иринка провела меня к ним в общагу. Зашли сначала в Иринкину комнату. Иринка познакомила меня со своими соседками по комнате. И комната, и соседки - ничего, нормальные.

— Потом пошли в комнату, где Дима живёт, фактически нелегально: он и прописан в другом общежитии, да и вовсе теперь отчислен из института, как давно следовало ожидать. Легально же в этой комнате жили грек и никарагуанец, Димины приятели, и ещё кто-то, на чьей койке располагался Дима, а этот кто-то жил где-то на частной квартире.

— В данный момент кроме Димы в этой комнате, добротной прокуренной, никого не было, и я мог спокойно поговорить с дочерью и зятем. С дочерью, впрочем, чего говорить - недавно виделись, основной разговор был с зятем запропавшим, заставившим столько близких людей переживать, нервничать из-за его персоны.

13 июля 1987 г., Севастополь

— Пили чай. Вид у зятя был, конечно, не шибко весёлый, но и отнюдь не подавленный. Разговор у нас не получился. Точнее, разговор не получился откровенным, хотя зять и выдал мне такие, например, признания.

— У него якобы депрессия и прочие фокусы с психикой (боязнь толпы, особенно в общественном транспорте, он будто бы как-то раз даже потерял сознание в метро на эскалаторе и очнулся только на улице, довольно далеко от станции метро) начались после того, как ему пришлось пробыть двое суток в Большом Доме на Литейном, куда его вызвали по поводу Библии, присланной ему из Югославии одним знакомым студентом. Там у него якобы пытались узнать, с кем у него ещё за границей связи, откуда и какую литературу он получает. Библию, конечно, не вернули.

— Далее было то, что я уже знал: он пытался лечиться у своего знакомого врача, недавно закончившего медицинский и работавшего теперь где-то в области. Надеялся, что сумеет ликвидировать хвосты и сдать сессию, поэтому и не обращался в институтскую поликлинику, не думал, что придётся академотпуск просить, а когда обратился, и его положили в больницу, он уже был весь в академических задолженностях.

— Правда, замдекана ему обещал академотпуск, если обследование подтвердит, что он, действительно, болен. Но почему-то декан не согласился, и вот его отчислили, хотя с правом восстановления при условии отработки не менее десяти месяцев в медицинском учреждении.

— Ну, и что ты теперь собираешься делать? - спросил я его.

— Домой поеду. Вот соберу все документы только.

— Ты понимаешь, что тебе по-настоящему лечиться надо?

___ - Понимаю.

___ - Ну, хорошо хоть, что понимаешь. Ладно. Этим мы дома займёмся. Попробуем на хорошего психиатра выйти, кое-какие знакомства есть всё-таки. Но, главное, ты тут не задерживайся, езжай скорее домой, а то опять исчезнешь куда-нибудь. Ирина! Ты проконтролируй это дело, пожалуйста, чтобы он снова не потерялся.

___ Рассказ зятя не показался мне достаточно убедительным. Единственное, что не вызывало сомнений - это то, что с психикой у него, действительно, не всё в порядке. Что касается двух суток в Большом Доме, то этому я и вовсе не поверил. Однако расспрашивать подробности не стал, Бог с ним. Если не дурак, поймёт и так, что я не поверил, потому и не стал подробности выяснять. Было бы иначе, он и сам бы подробнее рассказал, как дело было.

___ Что он приврать может - я теперь не сомневался. Вот хотя бы и такая мелочь. Иринка сказала, что у него пишущую машинку спёрли, взятую напрокат, и им пришлось заплатить за неё, но он просил не говорить мне об этом. Небось, и со своим устройством на работу врал про дежурства, когда не приехал на праздники. И при то, что ему академотпуск обещали, да обманули. Ну какой, к чёрту, может быть академотпуск, если студент на здоровье начал жаловаться, когда уже всё завалил? Тем более, что он уже был один раз в академотпуске. Что он, вечным студентом жить собирается?

___ Ох, зятёк, зятёк! Вот же досталось чудо нашей дочери. Впрочем, сама выбрала. И растаскивал я их ... Да вот не растащил до конца.

___ Беседа наша прервалась появлением одного из законных постояльцев этой комнаты - никарагуанца, которого Иринка пригласила к столу пить чай. Общительный, весёлый малый. Я попытался было выяснить у него, сколько в рядах "контрас" бывших сомосовцев, а сколько тех, кто боролся против Сомосы, но толку что-то не добился. Да парень и в Никарагуа-то уже несколько лет не был с тех пор, как поступил сюда учиться. Объяснял мне, что народ у них тёмный, несознательный и очень религиозный, коммунистов не поддерживает, поэтому сандинисты избегают объявлять свой строй коммунистическим. Но надеются перевоспитать народ со временем.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)